

[Вера Дубина "Сексуальное насилие в памяти о Второй мировой войне"](#)

Тема насилия и особенно сексуального насилия солдат Красной армии над мирным женским населением Германии имеет особую символическую нагрузку. Доступные теперь в том числе и в интернете воспоминания как советских солдат (Гельфанд, Самойлов, Копелев и т.д.) так и немецких женщин (самые известные также благодаря фильму дневник Марты Хиллерс «Безымянная – одна женщина в Берлине») становятся каждый юбилей войны триггером медийных скандалов, без которых не обходятся и научные публикации исследований на эту тему. Цель доклада проследить место дискуссий о сексуальном насилии на различных этапах памяти о войне в СССР/России и обеих Германий. В развитии мейнстрима памяти как в обеих странах можно проследить важные цензуры, поворотные точки, когда тема сексуального насилия выходила на первый план, инструментализировалась или замалчивалась.

Transkribiert von [TurboScribe.ai](#).

Вера Дубина: Да, я хотела сказать уже, что я писала уже на эту тему, поэтому я некоторые вещи, может быть, не так подробно хотела бы здесь осветить, потому что мы готовим сейчас для сборника, который Элиса делает, статью новую готовлю, поэтому меня интересуют уже другие теперь аспекты в этой теме. Я об остальных скажу между делом, и если просто кто-то не знает этот дискурс, то просто спросите, пожалуйста, отдельно. Я не буду подробно очень останавливаться, только некоторые вещи штрихами останутся.

Я хотела сразу сказать насчёт темы, что сексуальное насилие - имеется в виду насилие над женщинами, то есть мужчины исключаются здесь по причинам источниковым и по причинам самого характера памяти об этом сексуальном насилии, который в основном как раз сохраняется именно над женщинами оккупированных территорий, и насилие, производимое мужчинами оккупационных войск. О остальных тонкостях я сейчас расскажу.

Ещё я хотела заранее предупредить, что я не антрополог. Я не проводила никакого исследования устной истории, то есть на эту тему сама интервью я не брала. Вот мои предварительные замечания, что они основаны не на материалах устных интервью, как большинство людей, которые здесь выступали, кого я слышала. И поэтому у нас сейчас живых людей таких, которые пережили даже девочками до 1945 года войну, мало уже, можно сказать, практически не осталось. Но такие попытки собрать устные интервью с русской стороны, например, уже предпринимались. С немецкой - есть большой очень выбор.

Это тоже две вещи, что я буду говорить о русско-немецкой, то есть о Советском Союзе и Германии, пропуская территорию между, потому что для нынешнего вида памяти это важно. Я еще отдельно скажу потом, почему была предпринята в начале двухтысячных такая попытка - собрать устно-исторические интервью.

Ханс Нольт (Hans-Heinrich Nolte) — это первая точка. Я на английский на всякий случай перевела. И он пришел к выводу, что ему практически не удалось никого разговорить на эту тему из тех женщин, которые были там.

Он собирал активно очень целые группы исторические. И он пришел к выводу, что в России вообще не принято об этом говорить, и никто не будет ему об этом рассказывать, что нет никаких источников. Но эта еще легенда в некотором плане поддерживалась тем, что женская тема войны вообще крайне мало и неохотно исследовалась в Советском Союзе.

Практически до сих пор ссылаются очень многие, до сих пор новые книги об этом, ссылаются на Алексиевич, которая еще в какие времена свою книгу сделала. И, в общем, это, если говорить прямо, это никакое не собрание интервью, это художественная литература, поскольку она нигде не указывает, где заканчивается текст интервью и начинается ее собственный текст. Она его обработала художественно, поэтому, конечно, это трудно так назвать, но на безрыбье, так сказать, им пользуются, потому что очень мало вообще интервью на эту тему.

Анна Крылова есть такая, бывший наш соотечественник, о соотечественности писала. То есть, есть люди, которые пытались там и собирали, но это не массовые источники, то есть ни одна из них не может похвастаться репрезентативной какой-то выборкой из современных книг. Это что касается насилия над женщинами, советскими женщинами через войска немецкие.

И, в общем, получается так, что сексуальное насилие на территории СССР — это исключительно тема зарубежных исследований. У нас нет, кроме того, чего даже исследованием назвать нельзя, несколько, буквально, пару статей, в принципе, ничего нет. Никто об этом не пишет.

И я писала ряд своих прежних текстов. Мой был вывод в том, что просто люди не хотят об этом писать, потому что нет источников. Конечно, приходится пользоваться в основном интервью, собранным в комиссии Минса еще во время войны и сразу после войны, которые лежат в архиве.

Были в 90-е годы разные проекты, которые там собирали. То есть можно было бы набрать даже интервью, не говоря уже о том, что есть печатные источники, достаточно мемуаров, хватает воспоминаний, дневников даже, опубликованных и неопубликованных. Что касается насилия над женщинами немецкими через оккупационные советские войска, то это очень активно разработанная тема, медийная тема.

И это в том, что с нашей стороны практически ничего нет, приходится покупать, собирать. Но с их стороны этого слишком много. И поэтому это очень инструментализировано разными периодами жизни в Германии.

Хотя есть очень активные устно-исторические исследования. Например, Силько Сатиков приводит в своей книге как раз результат такого исследования, в котором говорится о том, что эта память для немцев жива. Цитата здесь приводится внизу.

«В деревнях и маленьких поселениях Германии жители даже спустя 60 лет после войны могли едва ли не поименно назвать пострадавших от оккупационных войск жительниц деревни».

Тут имеется в виду именно изнасилование. Из контекста это ясно в книге. Они все друг про друга все знали. Хранилась память очень активно в Германии. Это обсуждалось в семье.

В общем, в семье все были в курсе об этом. И где-то с 80-90-х годов это вышло в общественный дискурс очень активно. Здесь, конечно, присутствует огромная диспропорция в источниках, которые ничем, к сожалению, нельзя сбалансировать от одного, так сказать, практически нулевой точки в отношении советских женщин до просто такой жирной, большой в отношении немецких.

И очень запутанной по разным причинам, почему они то или иное рассказывают. И поэтому я решила вот в этой теме поговорить именно о памяти о насилии над немецкими женщинами. Русская тема там привлекается у меня в текстах, но по причине, о которой я уже говорила, здесь невозможно провести параллельное сравнение.

И, кроме того, очень важная ситуация, в которой это исследуется, это влияет на особенности этой памяти, которую изучили. В основном это каждый раз тема, как сказала Эльзе, на слуху, она теперь в основном с юбилеями в связана. Только, можно сказать, в последние годы, но в любом случае начиная с 90-х.

До этого тема не поднималась так активно. Только в узких исследовательских кругах она присутствовала. И здесь, конечно, за это время с войны очень изменилась роль женщины и вообще роль в обществе.

И роль женщины на войне была совсем разная если мы сравниваем советские войска и немецкие войска Вермахта. Я не говорю про СС, там мы говорим об общих войсках, как Красная армия, Вермахта. И поскольку Советский Союз был, как вы все, я думаю, знаете, единственной страной во время Второй мировой войны, где были женские батальоны, летчицы разные, зенитчицы и так далее,

то есть ни в одной из других участвующих стран не было специальных женских военных формирований.

И там были женщины только в том же наименовании: санитарки, связистки, радистки и так далее. Поэтому с самого начала, уже даже во время войны, уже с тех пор идет сильная диспропорция, поскольку для Вермахта, когда женщины эти попадали в плен, для них это было нарушением просто социальных норм и табу. Женщины должны принадлежать к кухне, к дому, к семье, а никак не на войну.

В солдатской форме они очень удивлялись танкистам, и это уже в те времена вызывало такое негативное отношение к женщине на войне. А если говорить о самой памяти, вот слайд, который я открыла, «память о Второй мировой войне в современной России», я уже упомянула, это всё формируется по линии фронта СССР и Германии. И сейчас это всё сильнее и сильнее заметно, и линия фронта такая СССР и Германия, как будто никаких других стран в этом не участвовало. Я, конечно, так не думаю, что это исключительно так, но просто это самая выпуклая часть этой памяти. А сейчас больше и больше...

Ага, видели, вот это то, что было предыдущее. Если по простому фамилии я писала, чтобы было понятно, какие фамилии.

Вот теперь мы уже переходим к этому слайду. Память... Теперь мне мешает зум видеть. Память о Второй мировой войне в современной России, как я уже говорила, фокусируется в чёрно-белых символах.

Враг-победитель. И это с каждым годом всё заметнее и заметнее, от юбилея к юбилею. В этом году даже дошли до такого гротеска, что показывали 9 мая хоккейный матч «Россия-Германия» 2018 года, где Россия с большим трудом выиграла у Германии.

То есть война как... здесь такой символ игры. То есть мы выиграли матч у Германии, мы войну у них выиграли, и так далее. И все сторонники, союзники, в смысле российские - Советского Союза, они как-то здесь за рамки выходят.

Не говоря уже о тех странах, через которые армия прошла, прежде чем она дошла до Берлина. Да, они тоже исключаются. Есть несколько проектов, которые пытались насильно сексуальное сравнивать по всем этим разным странам. Но они, вот насколько мне известно, пока удачных примеров нет, все они наткнулись на одну и ту же проблему. Ну, во-первых, языковую. Там очень много разных языков.

Надо знать, если один человек это делает. Если это делает группа, то у них очень мало точек для сравнения. То есть всё это как-то разбурелось в разные стороны.

Ну, а сейчас уже устно-исторические исследования здесь совсем почти невозможны становятся, просто потому что умерли все практически. И каждый раз, когда тема сексуального насилия над немецкими женщинами через советские войска всплывает где-то в обществе, да, это обычно скандал. Скандал, связанный часто с юбилеями.

Вот, например, скандал с книгой Меридейл, Катерина Меридейл, «Ivan's War». Она вообще о Красной Армии, об отношениях писала. Она перечислила очень много разных некрасивых действий, которые советская армия совершала, в том числе насилие сексуальное, и там мародёрство, и так далее.

Она вызвала страшный скандал просто в наших научных кругах. И с 2005 года это каждый раз исключительное реагирование. То есть советским в России изучением этого, насколько я знаю, никто не занимается, но каждый раз реагируют на то, что приходит, так сказать, из-за границы, на новые и разные книги.

И здесь, и почему, мне кажется, это важно, что здесь тема сексуального насилия, она имеет особую такую символическую нагрузку, очень важную во всей этой памяти о Второй мировой войне, которая активно, конечно, инструментализируется в разных направлениях сейчас у нас. Ну и не только, но у нас особенно. Есть попытки найти исследовательский баланс, но они как-то остаются глухи для общественности, не только потому, что это научные книги, но в каждой книге можно ознакомиться.

Например, вот эта книга Мириам Гепхарт, «Когда пришли солдаты», «Als die Soldaten kamen», как раз за насилие немецких женщин в конце Второй мировой войны, она как раз пытается посмотреть, там у нее есть своя теория, я не буду сейчас в нее углубляться, как она там считает количество изнасилованных через разные группы войск, там американцы и французские войска, британцы. В общем, ее главный тезис, что главными насильниками были не только советские солдаты, не надо вот это приклеивать, она там в архиве Кобленца нашла через католическую церковь, архивы католической церкви, где обращались заботы о детях, о незаконных родах и так далее, она через эти документы что-то пытается показать, уравнивает немножко этот дискурс. Но не проходит, как бы...

Еще есть Регина Мюльхойзер, которая пишет уже как раз наоборот о солдатах Вермахта на территории Советского Союза, но там сексуальное насилие там

минимально, там в основном о связях разных родов, о связях выживания, любовь, и так далее.

Но она не приобрела в России вообще никакого уважения, по той простой причине, что она на архивах немецких исключительно базируется, Регина Мюльхойзер русского языка не знает. А Мериам Гепхарт была переведена в РОССПЭНе, то есть каждый, кто хочет, может это почитать. Но несмотря даже... Там еще есть несколько... В статье я не буду упоминать только крупные книги, есть несколько других исследований, где можно ознакомиться очень подробно с этой темой, но несмотря на это, вот этот троп ужасного Ивана, который книга Екатерина Мери делала, тоже тут всячески продвигает, он просто непобедим оказывается для западной стереографии, в российской стереографии просто нет никакой, поэтому мы живем только на том, что они делают.

И даже вот книга Керстин Бишель, которую я сама хорошо знаю, она старалась всячески объективно представить, и она посмотрела и комиссии Минца интервью, и все доступные источники на эту тему. Женщин для устного интервью она также не сумела найти, чтобы поговорить, но у нее было достаточно источников, вот эта последняя книга Керстин Бишель «Фронтовые связи на фронте», «Сексуальные отношения и динамики насилия в Красной армии». Она и рассматривает саму Красную армию, женщин Красной армии в том числе, но она опять попадает в этот, все ее прекрасные эти источники, они у нее точно также ложатся на эту структуру, схему вот этого тропа ужасного Ивана.

Все это просто непобедимо, и оказывается, несмотря ни на что, как это не удивительно, на это я поэтому хотела обратить внимание, что это продолжает оставаться неизвестной темой. Когда они не прочитали в каких-нибудь массовых источниках, интернет-порталах, будь там 2009 год, 2008, 2000, или 2005, 2015, все это продолжается называться неизвестной историей войны. То есть она, причем, несмотря ни на что, будет оставаться неизвестной.

Или она инструментализируется как вот какой-то жутвел такой, чтобы показать негативные стороны Красной армии, как вот, например, в первой позорной странице истории России. Это влывает тоже каждое 9 мая особенно. Это любят всякие радиостанции и интернет-порталы ближайшего зарубежья такое вывешивать.

Ведь в качестве противовеса нашей победной истории, которая, значит, у нас почти глорифицируется и заходит на такие высоты уже, которые, конечно, никакая реальная история соответствовать не может. Это вот особенности, да, этой вот памяти. А теперь про... Я хочу сказать про сами... Про сам характер, так сказать, этой памяти.

Вот одна из главных... Один из главных трупов в разных вариациях в ней присутствующих — это тема восточного варварства. Это и сами исследователи, даже самые старающиеся быть, так скажем, объективными, они в эту ловушку попадают. Как вот с самого начала этот утвердившийся троп еще в 90-е годы активно муссировавшийся, что носителями сексуального насилия европейской памяти о войне стали в основном советские солдаты, там какие-то страшные цифры, там двух миллионов изнасилованных женщин, которые сохраняют в своем магическом влиянии эти цифры, да, какие-то страшные истории, в конце концов, там девочки маленькие, да, известные фотографии эти с... Я не стала тут ее приводить в презентацию, известные фотографии, где штабелями там лежат голые девушки, да, это улица осажденного Берлина.

Это вот начинается с 90-х годов, с того момента, когда появилась у немцев возможность говорить о своих страданиях в конце войны, когда это стало очень активной темой. И так она вот нисходит с полос всех изданий, и так в таком виде продолжает существовать, несмотря на то, что есть большие сложности с какими-то подсчетами, потому что это все не регистрировалось, но каждый новый исследователь, который этой темой занимается, ему приходится конфликтовать с этой вот темой миллионов, да, и высказывать к ней свое какое-то отношение, то есть ее никак нельзя больше обойти. И вот вопрос о варварстве, да, это тоже утвердившийся такой троп, который в современной стереографии, вроде, старается не разделять, даже отрицать, как вот Сильки Сотюков, например, но попадает в его плен точно так же, потому как для, вроде, автоматически именно сексуальное насилие, такое массовое, особенно над маленькими девочками там и старушками, как это часто приводится в воспоминаниях советских солдат, они об этом тоже пишут, известный Гельфанда дневник недавно изданный несколько лет назад, подробный, он очень много об этом есть там, и в немецких тоже, и в женских воспоминаниях об этом тоже много пишут.

Поэтому эта тема автоматически приходит к цивилизации западное и восточное варварство, да, и даже борьба немецких историков за то, чтобы признали войну на Восточном фронте войной на уничтожение, это прежде - 80-х, конце 80-х годов, не признавалось в немецкой историографии, что Вермахт проводил уничтожение на территории Советского Союза, то есть это рассматривалось как бы про дворянскую честную войну, ну не дуэль, конечно, но по правилам идущую, они не признавали массового уничтожения, это приписывалось только СС, которых было мало, это отдельные уничтожающие действия. То вот с 80-х годов после выставки «Топография террора» уже потом появилась выставка о Вермахте конфликтная, которая пережила там страшные волны противостояния в Германии, но сейчас в любом случае это все утвердилось уже, вот с этого момента, когда признали, что насилие на Восточном фронте переходило все

нормальные представления, ну не нормальные, а все представления о размерах насилия, которое было во время войны, что оно было куда более далеко идущим, чем это происходило на других фронтах, даже в этом, как бы вроде бы положительной динамике сексуальное насилие опять получило такую специфическую роль, как отдельного такого вот момента, подчеркивающего разделение Советского Союза и Западного мира, как такого варварства, что вот именно потом за это насилие, совершенное немецким Вермахтом, советские солдаты отыгрались на мирном - на девочках и женщинах немецких. И язык жертв в основном в этих вот выставках, это интересно, но он отсутствует.

То есть только топография террора включали советские свидетельства, а все остальные они говорят именно в одну сторону, только вот с немецкой стороны. То есть поэтому может быть это стало возможным, что тема такая. То есть советский солдат здесь такой другой, какой-то варвар, у которого совсем другие правила жизни, с которым никаким нормальным коммуницировать невозможно.

...варварство, о выводе советских войлок из ГДР...

Вы меня слышите хорошо?

Гость: У вас на какой-то момент пропал звук, но сейчас он вернулся.

Вера Дубина: Ага, хорошо, потому что у меня появилось сообщение, что у меня вроде как интернет что-то немножко барахлит.

И Сергей Сердюков даже в своей книге просто бессознательно, я уверена, выбрал фотографию такого азиатского вида советского солдата, черного, черноволосого, с раскосыми глазами, в шапке-ушанке. То есть это вот такой символ. Даже бессознательно исследователь это делает.

Это такой мощный дискурс. И поэтому получилось, что сексуальное насилие несет в себе вот это символическое значение, как вот это разграничение между западным и восточным миром, так сказать, восточное варварство. И этот троп, он жив до сих пор и продолжает свое развитие.

Общего в нашей памяти о войне и памяти немецкой, лозунг: «Рассказывайте о войне, молчать и преступление».

Гость: Вера, у вас снова пропадает звук. Вас не слышно.

Вера Дубина: Ничто не забыто. Она тоже обходила тему сексуального насилия, что касается Советского Союза. Об этом было не принято говорить.

Я об этом тоже писала, что это началось, вот если мы посмотрим динамику, начиная с войны и кончая, с какого момента это началось, это замалчивание. Во время войны она не замалчивалась, никак эта тема. Она начала замалчиваться после возвращения к патриархальному порядку, когда начался снова строиться патриархальный мир, и женщины, так сказать, должны были вернуться на свое место.

В Германии усилилась эта тема с 90-х годов с темой страдания немецкого народа в конце этой войны. Все это стало символом страдания Германии, всей страны, немецкого народа. Ситуативность этой памяти очень важна.

В какой ситуации возможно какое-либо исследование? К сожалению, самая лучшая ситуация уже прошла. Это было в 90-е годы, когда максимально были открыты друг другу и наши историографии, и архивы тоже. Да, то теперь вот этот момент пройден, и теперь нам остается в основном медийные, да, разные вариации изучать.

И это в основном фильмы и разного рода интернет-проекты. Вот если говорить про немецкие, то у них совершенно прямая есть последовательность, начиная с фильмов Барбары Йор, Хельки и Сандер «Освободители и освобожденные» (1992 г.) , где главная тема — это разгром Германии, их страдания, как их выгоняли из их домов, насиловали и так далее, отнимали велосипеды. Который потом продолжался через выход фильма «Безымянная. Одна женщина в Берлине», который вышел в 2003 году.

Я о нем еще позже поговорю. И двухсерийного телевизионного фильма немецкого канала ЦДФ «Бегство». Потом вышел сериал, который у нас в России смотрят, он очень популярен среди молодежи, «Наши отцы и наши матери».

Это 2013 год, он тоже на эту же тему, их страдания разные, что пережила Германия после войны. А в советском дискурсе, как я уже говорила, за течением 60-х годов, коротких, в киноиндустрии, в таком общественном пространстве, в общем, напрямую никак этой темы не присутствовало. И даже сейчас, как это интересно, у нас очень любят, если кто-то предпринимает демарш против памяти Советского Союза военной, то мы предпринимаем обратный, «сам дурак» - в таком стиле.

То у нас системы сексуального насилия такого демарша обратного не имеют. Никто не пытается сверху рассказать о массовом изнасиловании советских женщин, которые имели место тоже. То есть это совершенно табуизированная тема.

И вот если мы поговорим о следующем факторе, который влияет на память, это изменение положения женщины и изменение отношения к самой теме сексуального насилия. Это я хотела посмотреть на кейсе Марта Хиллерс. Пример, их много разных кейсов.

Я не стала их все приводить. Но этот особенно интересный кейс. Марта Хиллерс как раз написала тот самый дневник, основой которого стал сценарий фильма «Одна женщина в Берлине», такой популярный.

В 2008 году ее воспоминания были опубликованы уже отдельной книгой, уже после того, как фильм вышел, на немецком языке. А изначально они были опубликованы в 54-м на английском, а в 59-м на немецком. Они не встретили никакой совершенно какой-то... Я специально вынесла ажитацию.

Наоборот, была негативная оценка. Она ожидала, конечно, большего. И она как раз только в 50-е годы вышла замуж и бросила журналистику. Она до этого работала журналисткой. И ее муж был крайне недоволен этим обстоятельством. У них на этой почве случилась размолвка.

И некоторые источники даже пишут, что они вроде бы даже развелись, ну, разъехались. Официально не было развода, но они разъехались жить по разным местам. То есть он был возмущен крайне ее поступком это опубликовать.

Он был опубликован анонимно, но это просто сумели, так сказать, проследить к ее имени ходы через издательство. А вот после смерти ее - она прожила долгую жизнь, 90 лет она умерла в 2001 году - они были изданы и стали бестселлером уже на немецком языке.

То есть это говорит о том, что очень многое изменилось в общественном мнении Германии. В 1959 году это рассматривалось как позор, то в 2001 наоборот. Это стало страшно популярно. Он пережил несколько изданий, ее дневник. Семья долго не отдавала этот текст для исследователей. Считали, что он был утерян, даже, собственно, оригинал.

И уже там по публикациям его переиздавали. Поэтому очень было трудно сказать, какова его аутентичность, что она могла потом прибавить, когда она издавала его, и что нет. Несколько лет назад он попал в руки исследователям, они сумели его проанализировать и обнаружили, есть исследование, что она дневник активно литературно обрабатывала и вставляла в него некоторые новые пассажи.

И сама ее биография... Ага, слышно меня? Не слышно?

Гость: Да-да, слышно.

Вера Дубина: И сама ее биография, она тоже сомнительная. Это почему всегда трудно так, с этими дневниковыми записями.

Потому что она была в юности коммунисткой, пылкой, и пыталась даже вступить в партию коммунистическую в Москве в тридцатые годы. А в тексте этого дневника она пишет, что ее русский был просто... на базовом уровне, да, здрасьте, до свидания, да, но это вряд ли было так, поскольку она прожила в Москве довольно долго. Она была одаренная в смысле языков, она знала много языков, поэтому, скорее всего, русский она знала намного лучше, чем она в своем дневнике дает нам понять. И во время войны она работала на нацистские пропагандистские издания, как журналистка, что тоже она скрыла, конечно, да, и поэтому это тоже, так сказать, такое пятно на ее жилетке, которое добавило какого-то скептицизма к ее текстам.

Я вот привела пассаж, который чаще всего азотирует, к сожалению, это не очень хороший русский перевод, он не совсем точный, самый хороший английский есть перевод этого текста, да, и как с этим можно работать. Вот что она здесь пишет.

«Около 17 часов это началось.»

Один пришел в подвал. Парень, как бык. Пьяный в стельку.

Размахивал револьвером и взял курс на жену ликерного фабриканта. Он охотился на нее с револьвером, через весь подвал, отжимая ее к двери. Она защищалась.

Билась, редела, когда внезапно выстрел револьвер. Выстрел попал в стену, не повредив никому. Началась паника в подвале.

Все вскакивают, кричат. Герой с револьвером, очевидно испугавшись, рванулся в проход сбоку».

Там потом дальше идет другая история. На следующий день этот вот пьяный парень возвращается.

«И снова жена ликерного фабриканта. Она у нас здесь самая толстая, с сильно выступающей грудью. Уже известно, что они ищут толстых.»

Для них это красиво, так как большая женщина больше отлична телом от мужчины. У примитивных народов толщина — это символ изобилия и плодородия. Им придется теперь долго искать таких.

Сегодня все стали плоскими, даже те, кто раньше имели такие круглые формы. Ну, конечно, у жены ликерного фабриканта не было в этом необходимости. Им вся война пошла на пользу. Теперь она должна расплачиваться за свой несправедливый жир».

Вот этот пассаж по поводу примитивных народов она вставила позже в свой текст. И там есть и другие пассажи в ее тексте, где она говорит о том, что роль женщины на войне страдательная и так далее.

То есть все общие выводы в ее дневнике, которые так активно приводили и цитировали, оказались при анализе ее подлинника вставками позднейшими. То есть перед публикацией она все это вставила, когда этот дискурс варварства восточного уже полностью сформировался. Это дневник от 23 апреля 1945 года.

То есть в 1945 году этого всего еще не было. И так с очень многими, к сожалению, текстами. Но с другой стороны, этот текст Марты Хиллерс показывает, какое изменение произошло в этом вопросе в отношении к подобным дневникам.

Теперь вот дальше текст ее, который касается непосредственно самого изнасилования. Я прочитаю только. Давайте.

«Один дергает меня за запястье дальше вверх. Теперь другой также дергает. Причем он кладет свою руку мне на горло, таким образом, что я больше не могу кричать.

Больше не хочется кричать, чтобы от страха быть задушенной. Оба рвут все на мне. Я уже лежу на земле.

В кармане моей куртки что-то дребезжит. Это должно быть ключи от дома. Моя связка ключей.

Я была прислонена головой к нижней ступени лестницы в подвале. Чувствую по спине мокрые прохладные ручки. Наверху вижу щель в двери, через которую падает небольшой свет одного из мужчин, который караулит, в то время как другой рвет мое нижнее белье, ища себе дорогу.

Я ищу на ощупь левой рукой до тех пор, пока не нахожу наконец связку ключей. Твердо схватываю ее пальцами левой. Правой я защищаюсь.

Но ничего не помогает. Он просто разорвал подвязки. Когда я пытаюсь подняться, шатаюсь, меня к себе притягивает второй, кулаками принуждая меня встать на колени на землю.

Теперь караулит другой и шепчет. «Быстро! Быстро!»

И вот, как тоже выяснили исследователи, этот пассаж был очень сильно обработан. То, что она пишет не о самом акте, того, что происходило, не о боли или еще, а она пишет писательно, литературно. То есть она делает более сильный эффект. Поэтому, конечно, тоже трудно. Эти тексты, главные трудности, которые с этим текстом возникают, использовать как прямые свидетельства, их нельзя. Она всем соответствует, как бы, тропам таким общим советской армии, что все это происходило всегда массово, кулаками. Хотя вот она, например, понимает русский язык, они могли бы с ней объясниться.

Но здесь этого вообще не присутствует. Поэтому, как они переживали этот опыт, очень трудно анализировать. Но зато можно анализировать, что сейчас и какие пути прошел, так сказать, дискурс сексуального насилия, как он инструментализируется и зачем.

И я в предыдущих своих текстах остановилась на том, что... Да, вот это плохо, так нельзя писать. Исследователи делают вид, что нет хороших источников. А на самом деле они есть, просто они не хотят их анализировать, потому что тема такая болезненная. И что же делать тогда? Меня всегда спрашивали, а вы что предлагаете? Что так нельзя, как пишут. Как вы бы считали нужным это сделать?

Я надеялась, честно говоря, на микроисторические исследования. Например, дневник Гельфанда, который выверен по источнику, он точно аутентичный. И такие тексты в отдельном кейсе, в отдельной истории, они помогут в этом вопросе.

Или устная история, на нее надежды уже теперь мало. И, честно говоря, к сожалению, мои надежды не оправдались. Совсем недавние работы, которые эти тексты, как Керстин Вишель, например, анализируют, они все-равно эту рамку берут, потому что историку, по крайней мере, антропологу, наверное, нет, а вот историку нужна эта общая рамка, куда он должен это все вписать, иначе его спрашивают, ну, как вот?

Ну, что, вот вы там описали такое. И, как это ни удивительно, наши молодежные новые медиа, они как раз здесь нанесли новую такую струю.

Ой, я хотела сейчас это закрыть, свою презентацию, и показать вам... Сейчас, секундочку. А вот, простите за заминку, мою техническую неоснащенность. Вы видите экран мой, нет? Наверное, нет, да?

Гость: Нет, вам снова надо им с нами поделиться.

Вера Дубина: Ага, вот.

Это проект, я не знаю, знаете ли вы про него, его как бы такой супервайзер общий, Зигард довольно известный, книжки пишет сейчас, такой, литературно-обработанная история России, советская, точнее. Он специализируется именно на личной истории, но он не историк, а сам филолог, и поэтому его тексты, они для другой цели, но он очень активно участвует в популяризации разных тем. Они сделали с молодыми людьми, там нет никаких именитых историков, они меня и Будницкого, еще одного историка войны, пригласили в качестве консультанта, но мы ничего не делали больше, чем консультировали, и там они обращались с вопросами конкретными, просили посмотреть на предмет каких-то вопиющих ошибок, а так они все делали сами, они подбирали источники, очень хорошо работали, «Настоящий 45» — это был такой Facebook, они делали уже такой по 2017 году, то есть это последние с апреля месяца, последние дни войны, поход Советской армии в Берлину, и каждый день, как в Facebook, разные материалы, они собрали, это все на Яндекс.Дзене было выложено, вот они собрали персонажей, причем международную подборку хорошую сделали, то есть они с языков это все переводили, вот Марта Хиллерс, вот у них вот тоже здесь есть, они как раз консультировались по поводу именно сексуального насилия, потому что они переживали, стоит ли это включать.

Это очень удачный, на мой взгляд, проект для большей популяризации, они сделали очень интересные там фильмы про освобождение Бухенвальда, конечно, там есть авторская точка зрения, это не на ухо, но я думаю, что большинство молодежи от них, в общем, узнало о разных сторонах войны, и они именно старались вот так придерживаться войны снизу, что для обычных людей все это значило, хотя рамка там у них есть.

И вот они не решились, хотя у них был здесь Гельфанд тоже, то есть они видели, что это есть этот текст, они не решились выложить пассаж Марты Хиллерс, который описывает подробность изнасилования, они как раз на этот счет со мной советовались, насколько ей можно верить, и они даже воспользовались, они еще серьезно к делу подошли, они воспользовались ее английским текстом, по которому издания выверялись, даже не поверили российскому, то есть для них это не на слуху, очевидно, тема, хотя они в основном там студенты из исторических факультетов, то есть они не совсем как бы посторонние науке люди, но все равно еще совсем начинающие молодые, и менеджеры, то есть они

все-таки на этот вопрос не решились, но то, как они работают с этой памятью, то есть как они пытаются, если посмотреть вот здесь, например, об Бухенвальде, очень удачный ролик об освобождении, то в их презентации памяти о войне уже нет этого одностороннего черно-белого варианта России и Германии, здесь и союзники присутствуют, и память, так сказать, самих непосредственных участников, как от генерала, они там их разделили на несколько групп, от генералов до самых обычных жительниц с их самыми обычными бегами и проблемами, которые им война несет.

То есть очень сбалансировано все сделано, я была, честно говоря, удивлена, может быть, это именно нужно быть не историком, чтобы это так хорошо сделать, это такой хороший менеджмент у них, и пиар такой хороший, но для них вот это уже чужда эта черно-белая схема, но вот, несмотря на это, все-таки с памятью о сексуальном насилии для них табу тоже, они не сумели, не рискнули, они сначала собирались эти пассажи включить, но потом от этого отказались.

Но в любом случае, я думаю, что через вот такие варианты, может быть, микроистории, изменится что-то в нашей памяти о сексуальном насилии, и оно прекратит наконец свое существование как главный такой фишек и разменный по инструментализации памяти о войне. Ну, я вот на этом хотела бы закончить, и буду вам очень признательна за критику, комментарии и за вопросы.

Гость: Спасибо большое, Вера. У нас есть возможность задать вопросы. Можно прямо подключаться, да?

Гость: Можно я Веру спрошу? Насколько, как ты думаешь, насколько женщины страны, проигравшей войну, были, как бы, обречены на такие практики, да, изнасилования, если, например, в Красной армии, в таком большом гомосоциальном обществе не было возможности для сексуальной практики у мужчин. Вот в Японской Армии, например, были специальные такие подразделения женские, для расслабления.

То, что описывал Варгас Льоса, в своем таком немножко юмористическом жанре. Но я хочу сказать, что в Японской Армии были такие взводы для того, чтобы мужчину блажать. Я не знаю про Вермахт, но во многих концентрационных лагерях были тоже публичные дома, в которые могли прийти солдаты.

Это вот, как бы, одна часть вопроса, а другая часть вопроса — это логическое. Я вот тебе отправляла как-то ссылку, но мне хочется, чтобы коллеги тоже слышали. Ссылка была про то, это логического характера.

Мы знаем, что весной 1945 года военное руководство Красной армии особенно безжалостно относилось к жизням солдат. Было важно завоевать какие-то высоты или какие-то населенные пункты как можно раньше. И, как сказал

этолог, у молодого мужчины появляется потребность оставить семя любой ценой, потому что он понимает, что другого шанса у него быть не может.

А это какая-то такая общечеловеческая, универсальная программа — оставить потомство, пока ты молодой. Что ты думаешь, если иметь в виду две стороны такого вопроса?

Вера Дубина: Я тогда сразу отвечу. Хорошо? Так же запланировано?

Бордели у вермахтов тоже были. То есть они у них были предусмотрены не только в концлагерях, но и в армии были предусмотрены бордели.

Кроме того, у солдата вермахта были отпуска. Они имели право, даже солдаты, не только офицеры, они имели право посетить каждые 8 месяцев своих родных. Их давали по-разному. Но у них были регулярные отпуска. Не как у советских солдат, которых отпускали по случаю какой-нибудь большой награды и так далее. Отпуска советских солдат не были предусмотрены.

Конечно, это свою роль играло, что эти мужчины всю войну не имели своих семей рядом. Но у них, правда, были женские батальоны. Были другие женщины во время войны.

И большинство из них демобилизовалось. Кстати, есть исследование на эту тему. Очень много было демобилизации в связи с беременностью.

Обычных солдат - их моментально сразу демобилизовывали, как только они заявляли о своей беременности. Офицеров - нет, там были сложности, надо было бороться, чтобы тебя отпустили. Их требовали часто назад, там переводчицы и так далее. Редкий персонал, женский, у них были с этим сложности. Но, в принципе, ни один солдат, мужчина, не мог демобилизоваться так легко, как женщина. Именно потому что они были беременны.

Это говорит о том, что связи там были с Красной армией солдат, с этими женщинами. Понятно, что их было недостаточно и не так легко было найти.

Но если говорить о Японской армии, однако до сих пор с Манчжурией у них на эту тему, на изнасилование, массовое изнасилование, несмотря на наличие борделей, это не останавливало массовое изнасилование и разных издевательств.

Это, я думаю, в другом бежит. Конечно, советские солдаты, по крайней мере в Германии, еще это было связано с тем, что они получили доступ к алкоголю. Практически никак не ограниченным. Там немцы оставили свои винные погреба

огромные. Они их просто там бомбили. Если мы будем рассуждать в этих категориях, то мы скатимся к тому, что война всегда означает для женщин насилие.

То есть такое общество. Женщины всегда страдательные персонажи. Что, на мой взгляд, неправильно. Потому что это какой-то априорный тезис такой. И мы все под него подводим, весь опыт такой был. Потому что немецкие женщины, например, более, хотя они там и менее эмансипированные были, там кирхи-кирхи-кинды, там дети-церковь, и это они сидели дома.

Но несмотря на это, они на вопрос сексуальных отношений смотрели спокойнее. Ну, по крайней мере, из того, что я знаю. У нас очень мало свидетельств того, что там происходило на советской территории.

Потому что потом все очень сильно табуизировалось. Об этом очень было сложно говорить. И кроме того, женщины, которые имели сношение даже не только не то, что с немцами, а с американскими солдатами, например, в Архангельске, они потом были сосланы в лагеря.

Тут еще другой фактор присутствовал. То есть ты с врагом, ты родину предаешь. То для немцев такой проблемы не было. Они практически к этому вопросу подходили. Из тех огромного количества свидетельств, которые есть на эту тему. И, в принципе, они соглашались и так.

То есть их не надо было очень часто. Можно было просто предложить «за», как пишет Дарья Самойлова, по-моему, в своем дневнике, за сигареты, за шоколадку, за масло, то есть за продукты питания можно было получить все, что хочешь. А продукты питания были, конечно, у оккупационных войск, у кого они еще были.

И в этом был вопрос о том, почему это так рассматривалось как варварство, потому что эти изнасилования в основном совершались массово, описываются как массово. Ну, тут в данном случае с Марта Хиллерс их там двое, но там и чаще, и больше, и публично. То есть это при родственниках, при матери девочку там насиловали и так далее.

По крайней мере, так это описывается всегда в этих воспоминаниях. И за этим следует этот троп варварства, что это тому, как с другими оккупационными войсками у них тоже были отношения. Там было очень много исков на алименты по поводу отцовства после этого.

Это в архивах все отложилось хорошо, поэтому это можно проверить. Несмотря на то, что оккупационные власти алиментов никаких не платили, они все отказались, кроме британских, то немецкие власти об этом сами заботились.

Они создавали приюты для этих детей и аборты, поэтому там разрешали, но тоже не везде. Но в любом случае там регулировали они этот вопрос. Поэтому я не думаю, что это какой-то такой априорный тезис, что женщине стоит ждать насилия на войне, всегда изнасилование. Потому что женщины тоже к войне приспособливаются.

Они тоже знали, куда ходить, чего делать, где кулаками тоже работали. В предыдущем пассаже Март Хиллерс, уже совсем другим стилем, не литературным, видимо, необработанной части, она пишет о том, как она мясниц пыталась вырвать в магазине, как они там все дрались с зонтиками и кулаками. Вот этот вопрос, мне кажется, нужно учитывать.

Хотя, конечно, бордели, пускай это все играет значение. Понятно. Но и солдаты Вермахта, которые имели пускай бордели, они тоже насиловали.

Гость: У меня есть несколько вопросов. Если можно, пока другие будут со своими вопросами собираться. Я хотела бы понять ваше мнение по поводу того, почему в Германии этот сюжет, он инструментализировался, а в России не очень? Почему в одном случае реакция табуаца, а в другом случае такая инструментализация? И в связи с этим второй вопрос.

Если есть ли на самом деле в Германии, по-вашему, такая публично-коллективная травма по поводу этого сюжета? Или это личная травма конкретных женщин, которые могут делиться, кто-то это может инструментализировать, но становится ли это травмой группы, некой группы или пост-травмой, как хотите, которая унаследует этот сюжет, воспринимает ее как травматический, и если есть, тогда о какой группе мы можем говорить, кто эти наследники вот такой травматической памяти, если их можно как-то выделить как некую отдельную социальную группу? Вот эти два, да?

Вера Дубина: Первый вопрос был, простите, еще раз, я не успела записать.

Гость: Да, вы говорили, что в Германии этот сюжет инструментализируется. Почему в России его не инструментализируют, хотя как бы в ответ на немецкий этот дискурс в России тоже там говорят, что да, у нас было не меньше, но мы об этом не говорим, а вот понять, почему в одном случае можно говорить, а в другом случае нельзя про это говорить.

Вера Дубина: Ну, это пошло, есть, так сказать, еще сразу после военных времен, с выстраиванием патриархального порядка. Если во время войны и в Советском Союзе между собой, по крайней мере на уровне одной деревни, это было всем известно, кто от кого чего пострадал, и это между собой женщины тоже обсуждали. И как укрыться, так сказать, как девочек, поэтому там обрезали им

волосы, пачкали некрасивым, делали всячески, чтобы на них никто не позарился, прятали дочерей и так далее.

Когда была реальная опасность этого изнасилования, были свои меры, и все были в курсе, что это возможно и что это так и так происходит. Женщины также в немецких чередах, есть тоже в дневниках об этом свидетельства, они обсуждали, как надо выглядеть, чтобы русские солдаты, которые как варвары, непонятно, что им надо от женщины, чтобы они от себя не позарились. Как тут Марта Хиллерс пишет про эту толстую ликерщика жену, что надо носить очки, они начали массово носить очки, потому что считалось, что советские солдаты женщин в очках не очень любят, и так далее.

Они все приспособивались. А почему в Советском Союзе именно, я думаю, что это связано с темой именно сексуальности, потому что это как сама сексуальность табуизировалась, так и эта тема насилия в связи с этим тоже табуизировалась. Так как секса в Советском Союзе не было, как известно говорится, то в Германии к этому поэтому другое отношение, потому что для них это был символ пострадавшей Германии, потому как в Советском Союзе это держава-победитель, это мужской вариант победителя, то для Германии это страдательная женщина.

И символ этой самой пострадавшей женщины — это символ всей пострадавшей Германии, которая потом... Эту травму пострадавшей Германии за счет сексуального насилия сейчас я отдельно хочу сказать, а вот насчет страдающей Германии от войны — это безусловно для них травма, потому что в принципе они стали официально независимым государством, можно сказать, с 90-го года. То есть до этого нельзя было иметь армию, были ограничения по-прежнему связанные с последствиями войны. Это безусловная травма осталась.

И сексуальное насилие не очень хорошо вписалось в эту жертву. Оно просто наложилось на эту коллективную травму побежденной Германии и так далее. Но, конечно, выросшие новые поколения, особенно после 60-х годов, которые не считали себя напрямую ответственными за то, что там происходило в 40-е годы, они своим родителям претензии уже предъявляли.

Они эту тему подняли. До этого это вообще речь о преступлениях не шла. И ни о чем как бы таком во времена Аденауэра говорить было не принято в Германии.

Ну а сейчас это еще связано по крайней мере немецкие историки объясняют еще с тем, что немецкие женщины, они, поскольку это дома спокойно обсуждали, то им это легче в общественности обсуждать. Кроме того, Германия пережила сексуальную революцию, которую Советский Союз не пережил в 60-е годы, и свободу, так сказать, отношений, и им об этом легче говорить, потому что для

них это очень хорошо в эту жертву укладывается. И они подробности в общем тоже описывают.

Вот у меня была такая бабушка нынче, покойная уже, 1903 года рождения, она попала как раз под советскую в Кёнигсберге оккупацию и пыталась со своими маленькими детьми-дочерьми, восьмилетней и там новорожденной, она пыталась оттуда выбраться, ей удалось, она вернулась обратно в Германию. И она когда рассказывала, я ее историю, вот этих отношений с советскими солдатами, которыми их отношения строились исключительно для того, чтобы выжить ребенку, потому что еды больше взять было негде. И детям ее давали, поэтому она детей посылала постоянно там воровать в советские войска, потому что детей не убьют, а может, еще что-то дадут и назад вернут.

Это тоже им было известно, что обычно советские солдаты маленьких детей не трогали. И она мне, я слышала, как она рассказывала это журналистке немецкой эту историю по отношению к советским солдатам, слышала, как она рассказывала ее соседке, которая была полька, и мне. Это было три разных истории.

Она прекрасно понимала, с кем она разговаривает, что про русских не надо плохо говорить. То есть у них там свои представления. Они в этом смысле вот очень, у них общественность есть, постоянная общественная дискуссия есть, они привыкли говорить, и они понимают, что можно говорить там, кому нельзя говорить, и так далее.

Я думаю, что в этом дело. И второй вариант насчет травмы, именно опыт сексуального насилия, я не знаю, могу ли я так сказать, есть травма общей войны, она есть. А вот сексуальное насилие, мне кажется, это просто часть удачно в нее вписавшаяся.

Это не отдельная какая-то социальная группа, которая сейчас, можно сказать, носитель этой травмы. Потому как они могут это все-таки научно исследовать, они, хотя все равно попадают в общую травматическую историю. Немцы, для них это большая проблема. Им все время приходится за войну либо оправдываться, либо там как-то к ней какое-то отношение выбирать. Они не могут совсем без этого.

Гость: Спасибо большое

Еще вот в связи с этим я как раз сегодня прослушала там одно интервью. Российские два исследователя между собой обсуждали. И там появляется сюжет о том, что в советской армии из-за насилия немецких женщин предполагалось наказание.

То есть если там немки обращались, то до расстрела дело доходило. То, чего не было в немецкой армии. То есть там если даже кто-то обращался, то, как правило, это дело как бы обходили. Или могли самое большое штрафбат или понижение звания или чего-то в этом роде. То есть степень наказания, она предполагалась совершенно разной. И соответственно это вырабатывало разные практики. Там и тут. Насколько это так, и почему, если это не так, или даже так, то два таких разных дискурса выстраиваются по поводу того, с позиции уже мужчины, вояки, которые там и тут должны были себя по-разному вести.

Вера Дубина: В немецкой армии запрещены были тоже отношения с местным населением, но по другой причине, не по такой, по которой Сталин в 45 году издал этот указ знаменитый. Потому что это расэншанда, это расовое преступление. Поэтому, в принципе, это тоже было запрещено. И если бы у русских крестьянок, там, женщин пострадавших, если они могли бы обратиться в комендатуру и донести в немецких понятиях, я предполагаю, да, у меня нет таких точных сведений, я не знаю таких исследователей, где бы писали об обращении женщин, и не видела их нигде.

И в военные архивы, честно говоря, с ними трудно попасть. Все, что касается войны, это в архивном архиве в Москве находится. Может быть, только архив внешней политики более сложный в использовании.

То я таких не видела. Но показания были потом на трибунале, использованны на Нюрнбергском процессе, такие показания были. Изнасилованные. То есть женщины привлекали показания, что они стали свидетелями. Они не пишут про себя, никто не пишет. Это проще рассказать про соседа, конечно. То есть это всегда то, что они видели.

И большая часть их становилась потом жертвами. Они умирали просто, их не оставляли просто изнасилованными. То, возможно, это имело бы какие-то последствия, если бы они имели опыт публичного обращения.

Я предполагаю просто, что поскольку у советских женщин такого не было, апелляции такой по закону, они этого не делали. Они говорят о том, что если они не знали язык, у них возможно было обратиться только через посредованные, через старост всяких, которые тоже были мужчинами. И отношение к женщинам, конечно, в Советском Союзе, как вообще к людям отношение было, в нем было больше.

Хотя тут я опять сваливаюсь в этот, наверное, дискурс варварский, но все-таки советские граждане были привычны к насилию после сталинских репрессий. Это к 1941 году, что там коллективизация в деревне, что там происходило, что потом хватали людей на улице, масса репрессий. Этого Германия не переживала.

У них такого опыта не было. Они не боялись обращаться к начальнику с какой-то претензией. Эти немецкие женщины даже обращались с требованиями алиментов к советским комендантам, доказывая, что они знали, кто изнасиловал их, они знают, как его зовут, и они там требуют. Им даже такая в голову мысль пришла, чего очень трудно себе представить в Советском Союзе. В принципе, указ Сталина появился уже после того, как появились первые данные, донесения о том, о размахе этого кошмара, который там творится, который запрещал. Да, расстрелы были, если доходило до этого.

Но очень хорошо, если мы посмотрим это на микроуровне, как это выглядело. Например, один замечательный пример, которых я несколько встречала таких примеров, поэтому даже можно сказать, что он, наверное, был частым явлением. Это молодой лейтенант пытается старшину отодрать от этих немок вместе с солдатами.

Они его просто не слушают. Они пьяные. Кто ты такой? Он может, конечно, выстрелить в воздух, если он рискнет, застрелить. Если он рискнет противопоставить себя этим солдатам, то он может чего-то добиться.

Но, в принципе, немецкие женщины это тоже очень хорошо понимали, и поэтому первым делом они искали людей с погонами, у кого звездочки, то есть кто офицер, и они бросались к ним с просьбой их защитить.

У Гельфанда много таких историй, что там красивая девушка, она, значит, я лучше буду жить с тобой, чем будут у меня каждую ночь приходить орды каких-то ваших солдат. Потому что женщин, которые жили с офицерами, конечно, солдаты уже не трогали.

И таких вот... Он там пишет, что, значит, у него был соблазн, конечно, он был женолюбивый человек, но как в своем дневнике он там пишет, все, что мы можем сказать, что было написано в его дневнике, что он защитил их так, в общем-то, организовал им жилье, то есть, в принципе, они попадали под защиту. Такие случаи тоже были распространены. То есть тут очень сложно, много оттенков серого у этих вопросов.

И я уверена, что эта ситуация с количеством и насилием, она исходила не из указов. И указы здесь имели второстепенную роль. Ими можно было апеллировать.

Вот эти лейтенанты апеллировали по указам Сталина, что вот есть такой указ, что вас могут расстрелять. Если им удавалось достучаться до сознания пьяного солдата, то, возможно, это действовало. Но это уже вторичный урок.

Это стало играть роль потом. После того, как первые несколько месяцев прошли, когда вот этот ажиотаж спал, когда они целый год сидели в Берлине и ждали демобилизации, тогда уже они, конечно, по-другому к этому относились. Это тоже есть, на этот счет много свидетельств, что изменилась ситуация. Потому как и немецкая часть, и русская часть, они нашли общий язык между собой. То есть они сумели организовать, контактировать. Потому как грабить уже было больше нечего. В Берлине уже не осталось просто ни одного целого дома. Им тоже надо было как-то питаться, властям надо было стройки, восстанавливать здания. То есть им приходилось договариваться.

Они очень с этим хорошо справились через несколько месяцев, буквально после войны.

Гость: Я хотела спросить, есть ли у кого вопросы, комментарии? Да, пожалуйста, Ирина.

Гость: Я хотела уточнить к тому вопросу, который обсуждали.

Вот всё-таки есть проблемы источников. Есть ли следственные дела, связанные с нашей стороны, связанные с этим явлением? То есть могут ли они выступить источником? То есть документы Министерства обороны, база данных, которые выложены, прослеживается эта тема там?

Вера Дубина: Ну, из того, что есть в открытом доступе, то есть только по Нюрнбергскому процессу показания.

Так нам приходится в смысле источников, в основном на личное происхождение источников. Есть указы, но указы они, понятно, беспредметные, то есть они конкретные. И свидетельство о расстрелах, поскольку это было всегда быстро, это не имеет такого опыта.

Гость: Значит источник не может выступать?

Вера Дубина: Если вдруг где-то мы найдём, да, с Министерством обороны очень сложно добиться от них. Но никто не нашёл пока. В основном все базируются на комиссии Минца, там свидетельства, если с русской стороны. Поскольку они тоже были засекречены, они лежат до сих пор хорошим, одним куском таким. Огромный собрал пласт воспоминаний, устных свидетельств ещё во время войны, сразу после войны. А в немецких архивах, например, есть материалы разные судебные, где наказывались немецкие солдаты за связи с славянскими женщинами.

Такие есть. Они всё протоколировали, фотографировали. У них очень всё это хорошо откладывается.

Есть также очень много личных свидетельств. Я пока не увидела, не поверила бы, что немецкие солдаты очень много писали о своих бесчинствах своим родственникам. Они это очень подробно в своих полевых письмах описывают.

Это тоже были идеи, связанные с тем, что, может быть, у них не было такой цензуры. Конечно, военная цензура у них тоже была. О военных действиях писать было нельзя.

Но они ездили в отпуска, может быть, они передавали их с друзьями. Я просто пользовалась составом... Там нет конвертов. У них не было конвертов. В принципе, складывали. Непонятно, каким путём они дошли до родственников. Но и по почте тоже.

Они очень подробно описывают, как они сжигают деревни. Вот я там снял, убил такого, снял с него сапоги. Вот тебе со следующей okazji пересылаю эти сапоги, и ты их продай.

Если бы у нас был такой хороший состав этих полевых писем, я думаю, что мы тоже много бы чего узнали. Хотя, конечно, может быть, у советских солдат больше было цензуры. Но все дневники, по крайней мере, и письма, и вот известные мне письма, они крутятся вокруг... Дневники, особенно, вокруг двух тем. Это солдатские дневники: женщины и еда. И очень много они пишут о связях своих с немками.

Эти дневники в архивах собирают сейчас в Школе экономики. Они большой... По Второй мировой войне центр они собирают, просто по родственникам. Бросили ключ, просили присылать дневники. И в архивах лежат. Просто ими почему-то никто не пользовался. И очень долгое время был миф такой, как вот с тем, что тут нельзя найти источников. Был миф, что советским солдатам запрещали и офицерам вести дневники.

Да, официально запрета не было. И о них вели, как это ни странно. Очень много там писали. У них там были проблемы с бумагой и с карандашами. Надо было химическим карандашом вести, потому что иначе все расплывется от воды. Но они вели. Немецкие солдаты еще очень много рисовали и фотографировали.

Советские солдаты тоже, обретя фотоаппараты в Германии, тоже потом много фотографировали. Но у нас, к сожалению, нет одного единственного места, в котором бы это все стекалось. То есть это надо по людям собирать. Поэтому, к сожалению, нет таких.

Гость: Скажите еще, пожалуйста, может быть, такой вопрос. Слишком простой.

Вот в героических рассказах о Зое Космодемьянской, о молодой гвардии, вот этой темы нет. Ее не было или ее нет?

Вера Дубина: Не было в смысле?

Гость: Да. То есть вот как бы подвиг советских девушек, женщин во время войны, которые попадают в ситуацию оккупации, плена и так далее.

То есть ей описывает, ну Зое Космодемьянской, описывается все, что ее били, издевались и так далее. Но темы сексуальной как бы не присутствует, она никак.

Вера Дубина: Зое Космодемьянской, если вы видели эту известную фотографию, которая была сразу сделана после того, как ее нашли, ей отрезали грудь. То есть это обычно из тех свидетельств, которые я знаю из других материалов Нюрнбергского процесса, это было следующим шагом за изнасилованием. То есть сначала насиловали, потом отрезали грудь.

Да, я не знаю насчет Зои Космодемьянской, но вот сама память о ней, эта фотография, она в каких-то может быть, я ее в каком-то юбилейном видеела в детстве, я была потрясена просто этой фотографией, я помню, что у нас был отряд Зои Космодемьянской в школе как раз, и я ее в таком виде никогда не видеела. У нас вообще мертвые тела никак не демонстрировались, а уж какие-то там гендерные, сексуальные в данном случае, оттенки, они никак нигде не фигурировали. То есть это невозможно представить у нас на каком-нибудь стенде, отряда Зои Космодемьянской, хотя чем уж лучше замученная, замороженная, там еще шея сломана у нее, потому что ее повесили с петлей.

Все, что касается вообще тела и телесности, это все совершенно табуизировалось советским героическим дискурсом, потому что я думаю, что телесность, она связана со страданием. Там не должно было быть страданий, там должна была быть сплошная мужественность. И поэтому эти самые даже женщины, которые воевали, они же в юбках, это они только в кино снимаются, для них не было специальной униформы, им приходилось в мужской одежде. То есть для них ничего специально не было продумано и никак не организовано, кроме разве что демобилизации в связи с беременностью. Все остальное они должны были делать как и мужчины. То есть всякая их женская часть, она из официального дискурса исчезала по понятным причинам.

Поэтому со стороны Вермахта, когда они попадали, они подвергались особенному издевательствам, женщины. Потому что с точки зрения немецких представлений о войне, женщин там быть не должно с автоматами. Они могли быть где-то за линией фронта, женщинам немецким разрешалось служить не больше 50 км от линии фронта.

То есть они на линии фронта быть не должны были.

Гость: Спасибо большое.

Гость: Вера? Я была в музее Карлсхорст несколько раз. В том числе после того, как они обновили экспозицию. И там в одном зале две стены посвящены как раз изнасилованию. В одном зале на одной стене фотография в России. Просто женское тело лежит и неизвестно, что с ним было. А на другой стене довольно много материала об изнасилованных немцах.

Вера Дубина: Но там нет фотографий, насколько я помню.

Гость: Фотографий нет. Там только документы. Но там я помню свидетельство врача.

Свидетельство врача И речь шла про то, что сколько-то там берлинок обратилось к гинекологам, чтобы они засвидетельствовали вот такой факт. Так вот, меня тоже смущает, если какие-то женщины ходили и фиксировали у гинеколога весной 1945 года или летом, сколько там было этих гинекологов и скольких женщин они могли принять в день, чтобы посчитать количество обратившихся женщин не просто с проблемами, а с жалобой на желание задокументировать этот факт изнасилования. Если такая практика была, то эти документы, наверное, имели какое-то количество и вряд ли оно подходило к ста тысячам.

Вера Дубина: Ну да, вот на этих документах тоже основывают по Берлину, но просто не во всех местах это так протоколировалось, как в Берлине. Там была просто специальная клиника создана еще до того, как советские войска вошли в Берлин. Это было подготовлено еще немецкой пропагандой.

Они говорили, что это будет, и они готовили заранее клиники, которые будут делать аборт. Но это был очень короткий срок, и потом Мириам Гепхарт, которая написала книгу, о которой я пыталась как раз посмотреть по разным локационным зонам, она на основании Коблинского архива показала, что, например, в южных землях это все не так было просто получить разрешение на прерывание беременности. Но главная цель, почему женщины это протоколировали, это в основном связано с беременностью.

То есть они не пытались каким-то получить деньги за моральный ущерб, а это было связано с тем, куда девать детей потом. Потому что немецкое государство им должно было платить пособие всем на этих детей. И если многие оставляли у себя детей таких, то кто-то должен их был содержать. И если муж не хочет их содержать, если он есть вообще муж, он тоже может не быть его. У многих были прошения, связанные с тем, что у меня четверо детей своих, я пятого не могу себе позволить, мне этих надо как-то кормить. Его могли взять в приют церковный.

То есть если ты докажешь факт изнасилования, тебе, в некоторых случаях там тоже была волокита бумажная, разрешат избавиться от ребенка, потому что так аборт был запрещен в нацистской Германии, как и в Советском Союзе. То есть так нельзя было сделать у врача. Каким-то там нелегальным способом можно.

Даже были в газетах немецких, много было рекламных объявлений, где эти хибама, которые как раз вспоможествование осуществляют, как они называются, акушерки, но это не совсем акушерки. Они рекламировали, что они вот это делают, к ним обращались. Но для этого нужно было сначала этот факт зафиксировать, что это случилось.

Я предполагаю, что это была главная цель. Потому что в Советском Союзе им неоткуда было ждать никаких пособий, никаких элементов, никаких денег. А в Германии это все оплачивалось. Их потом, этих детей кто-то должен был содержать. Об этом была речь. И очень часто мужья отказывались это делать. Почему я должен содержать чужого ребенка? А в Германии была обязанность, муж должен был содержать свою жену. Она у них считалась принадлежностью к домашнему хозяйству в некотором смысле, поэтому это его была зона ответственности.

Поэтому женщины вот свои стратегии искали, как это делать. Вот еще до книги Мариам Гебхардт, если только по Берлину, считалось, что они все хотели избавиться от этих детей. Потому что есть большой состав документов, отложенный в медицинском архиве, где они объясняют, почему они не хотят этих детей.

Но учитывая ситуацию, что на самом деле ими двигало, это другой вопрос. Потому что им нужно было объяснить. Их даже из этих 300-600 писем, самая известная большая коллекция, из этих 600 писем буквально 10 только аргументируют российскими какими-то... А большинство аргументируют тем, что они просто не могут этих детей содержать. У них своих уже много.

И вот король спросил, я тебе уже говорила, что мое мнение, что фотография весит намного больше, чем текст, когда ты смотришь.

И поэтому, мне кажется, они соблюли в этом смысле баланс, потому что о немецком опыте просто гораздо больше известно. И больше всего есть, а о русском очень мало. Но зато они более, так сказать, впечатляющие.

То есть мертвое тело, обнаженное, лежащее. Хотя там маленькая такая фотография.

Гость: И фотография маленькая, и тело далеко.

Вера Дубина: Но все равно. Это фотография. А текст, это надо еще прочесть, там составить себе труд. То есть это другое. Фотография все-таки больше в глаза бросается.

Гость: У меня тоже два вопроса. Один в связи с этим по поводу детей, вот рожденных в результате насилия. Получается ли какая-то группа, которая, я не знаю, получает отдельное название, не выделяется как социальная группа, что у нас, например, я знаю, в Кёнигсберге на уровне микроистории есть множество отдельных рассказов, но выливается ли это в какой-то более-менее общий нарратив, есть ли какие-то сюжеты, отношения, как нужно относиться, как воспринимать, насколько это отношение отличается здесь и в Германии. И еще большой вопрос по поводу дискурса о насилии.

Есть ли отдельный тоже сюжет или нарратив в публичном дискурсе немецком по поводу насилия союзников? Или это только вот этот восточный дикарь, который выделили как отдельный троп, а что по поводу тех же европейских, американских союзников, которые оказываются там же в той же позиции, более-менее оккупантов?

Вера Дубина: Ну да, исследования есть, конечно. О секторах. И об американском, и о французском. Есть даже о Бремене отдельно, там, по-моему, был британский сектор Бремена, это же отдельная земля у них, Бремен - город. Статистика таких рожденных детей. Как раз изнасилование очень часто считают по количеству детей.

Это, конечно, не говорит нам, но какие-то представления о размахах, может, это дает, но не каждая же заканчивается беременностью, и учитывая, что женщины были голодные, измученные, у них этого могло вообще не случиться. Но пытаются так считать. Эти дети выделялись в отдельную категорию, у них было даже название своё.

Я сейчас пытаюсь вспомнить точно, как это по-немецки, но неважно, они выделялись как отдельно, их считали, у них была статистика, потому что на них выделялись деньги. Это все проходило через службы, эти разные немецкие опеки. Если их сдавали в какие-то приюты, то кто должен был содержать, там очень подробная переписка.

То есть, если родители имеют достаточно денег, с них церковь обычно требовала, чтобы она их содержала в этом приюте, раз вы не хотите сами воспитывать, так по крайней мере, деньги посылайте. Мужчины там отбрыкивались письмами, что мы не будем содержать, потому что это самые, как-то они назывались и робрунскиндер, или кригскиндер, вот так. То есть, это два года еще после войны, они вели эту статистику, они считали количество этих детей.

Потом это перешло в ведение других служб, это как бы уже секторов перешло. Точнее, наоборот, первые два года это сектора были, то есть надо было обращаться к советским войскам, к американским войскам. Через два года это перешло уже в ведение немецких министерств, у них там очень подробно, они посчитать их всех пытались, там около 22 тысяч или 25 тысяч, насчитывает Мария Мгебхардт, в южных землях этих детей. Но она же там пишет, что очень многие оставляли их у себя, но все равно в курсе все были, соседи. Очень трудно в деревне, видимо, это было как-то там утаить, но это и никто не пытался. То есть те, кто воспитывали, они их так тоже воспитывали, они получали на них там пособие, потому что это вроде как их страдательная часть, эти дети.

То есть такая группа была, и они, да, знали. И отношения были разные, кстати, в Германии это было вполне себе сносное отношение. Вот, например, в Голландии очень негативно относились к этим детям, их там стигматизировали, плевали им вслед и так далее. То есть они еще потом получили, кроме того, что женщины, которые их рождали, пострадали, от общественного презрения, но и во Франции тоже, они подвергались общественному презрению. В Германии это было не так. Видимо, потому что это была общая проблема, и они, главное, чем занимались, это вопрос, кто, собственно, содержать этих детей теперь должен. Лечить, кормить и так далее. А еще было...

Гость: Я имела в виду, вот, а еще Кёнигсберг, здесь тоже особая ситуация, когда потом в результате это становится еще и своей территорией, после массового насилия и прочего. А здесь, как решалась эта проблема, появлялась ли эта группа как отдельная социальная группа, или она просто растворилась, ну, как смогли, и так и выживали?

Вера Дубина: Ну, я, насколько знаю, их всех экстрадировали, немцев с Кёнисберга.

То есть там они должны были уехать все. Им никому не разрешили остаться практически. То есть кто смог уехал в Германию, вот эта бабушка, у которой я жила в Германии, она как раз очень боялась попасть в другом направлении. То есть она хотела сесть на поезд, который едет в Германию, а не который в Сибирь ее отправит, потому что очень многих отправили в другом направлении. То есть там никого их не осталось. Все почистили. Большинство жителей. Поэтому я не знаю ничего насчет таких детей. Возможно, они растворились все в советских детских домах, если такие дети были. Да, там сданы детские дома. Просто Германия решала это очень целенаправленно, бюрократически этот вопрос.

В других секторах, в американских, во французских тоже есть исследования на этот счет. Сохранились жалобы женщин, требования об алиментах. Но поскольку никто... Американцы были самые в этом смысле упорные. Они никак не выдавали никаких пособий.

Мужчины, когда требовали с этих мужчин алименты женщины, их тут же обычно отправляли на родину, в Америку. Оттуда добиться алиментов было вообще уже невозможно. То есть после того, как сектора прекратились, руководить, появились гражданские службы, то уже были иски, где добивались алиментов от солдат. Но это уже было не массовое явление. Это там уже дети, рожденные в 48-м, 49-м годах. Это уже другая история. Это не те массовые дети войны, так сказать, 45-го года.

И, в принципе, относились по-разному. Французы и американцы относились совсем против испытаний, и что-то там выплачивали.

Но советские власти предложили отправить детский дом в Советский Союз, этих детей. И после этого обращения иссякли практически. Женщины, понятно, что этого никто не хотел из них. Они хотели денег, а не избавиться от детей. Французы тоже манипулировали. То есть там были не изнасилования, а просто взаимоотношения. Такие тоже случаи избирали. Таких тоже было очень много. От этого отложилось, конечно.

Но отношение к ним было... Они знали о том, как они родились, в большей части, поскольку это было всем известно вокруг. Но они не стигматизировались, эти дети. Особенно по сравнению с Голландией. Там и есть исследования на этот счет, как в Нидерландах ужасно относились к таким детям.

Гость: Спасибо большое. Есть еще вопросы? Комментарии? Дополнения какие-то? Идеи?

Вера Дубина: Всё.

Гость: Спасибо большое. Тема такая очень... Даже как-то язык переворачивается, говорит, да, интересно. Она такая тяжелая и очень сенситивная.

И даже в такой женской компании трудно, чувствуется, что трудно подбирать слова. Она все еще вот этот след табуации, она чувствуется даже среди исследователей. Понятно, что язык до конца как бы не только может быть недоработан, но он не усвоен, по крайней мере, как про это говорить и как про это делиться тоже.

Вера Дубина: Да-да, Гайне, извините, я забыла ответить на ваш вопрос. Вы спрашивали в публичном пространстве, было ли... Варвар, да, это были чернокожие французы.

Гость: То есть там выделяется такой расовый аспект, да?

Вера Дубина: Да, чернокожих тоже в этом обвиняли, да, как главных там насильников вместе с советскими солдатами. А остальных нет. Хотя были случаи и массовые, вот я нашла в Кобленце, в архиве, но эти как бы случаи, они там американские были, британские солдаты, но вот вообще в такой памяти коллективной, да, они не были такими варварами, они не подписывались в этот варварский дискурс, поэтому они тихо иссякли потом, хотя документы есть. Вот эти страшные варварские действия приписывались в основном советским солдатам.

Ваши уши, так сказать, мучаются этими ужасными историями, они подробно описывают, в каком состоянии нашли там этих женщин. То есть это были как-то, ну, садистские какие-то издевательства. Вот таких вещей не приписывалось ни американцам, ни британцам.

То есть они типа удовлетворяли там свои потребности, как хотели, да и все. Но вот так, чтобы там засовывать бутылку шампанского, да, то такого не было. А вот в связи с русскими солдатами, причем это свидетельство советских офицеров, да, то есть это не даже, не то чтобы какое-то инструментализированное свидетельство немецких сторон, а это советские вот, например, Лев Копелев об этом пишет, что он таких видел, да, и он, ну, он был молодой, да, только что из института, он попал только на заграничный поход, и он, конечно, был в шоке, да, поэтому он об этом пишет в своем дневнике, что делали советские солдаты с этими несчастными женщинами.

Гость: Интересно, что из всех союзников выделяются французы, и то потому, что в их армии можно было выделить, да, каких-то более темных.

Вера Дубина: Американцы.

Гость: Американцы? Понятно.

Вера Дубина: Черные американцы.

Модератор: Ну что, коллеги, спасибо большое. Спасибо. Всем большое спасибо.